

Из сада сестры фрейлины.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

сокопр
окоува
варъшеня
оста вляю
при
въ гор. Алапаевс
веще
Малик

Юрий Данилов

**Последние дни царской
семьи (сборник)**

«Алисторус»

1921-1930

УДК 94(47)
ББК 63.3

Данилов Ю. Н.

Последние дни царской семьи (сборник) / Ю. Н. Данилов —
«Алисторус», 1921-1930

ISBN 978-5-9265-0581-5

В эту книгу вошли документы, воспоминания и записки очевидцев революции 1917 г.: русского поэта Александра Блока, члена Комиссии Временного правительства по расследованию деятельности царского правительства, английского журналиста Р. Вильтона, побывавшего на месте расстрела царской семьи в Екатеринбурге, и офицера Генерального штаба русской армии генерала Ю. Данилова, знавшего долгое время Николая II. При всей разности взглядов этих авторов на роль и фигуру последнего русского императора, их свидетельства дают читателю возможность сделать собственный вывод о трагедии февраля 1917-го – июля 1918 г.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0581-5

© Данилов Ю. Н., 1921-1930

© Алисторус, 1921-1930

Содержание

Последние дни императорской власти[1]	6
Предисловие	6
I	7
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ю. Н. Данилов, Роберт Вильтон

Последние дни царской семьи

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

© ООО «БСК», 2008

Последние дни императорской власти¹

Предисловие

Вся деловая часть предлагаемой книжки основана на подлинных документах, в большинстве своем до сих пор не опубликованных и собранных учрежденной Временным Правительством Чрезвычайной Комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров. Книжка в несколько сокращенном виде (читатель найдет здесь семь новых документов) была напечатана в журнале «Былое» № 15 (помечена 1919 годом, вышла в 1921 году) под заглавием «Последние дни старого режима».

А. Б.

Июль 1921

---

¹ По неизданным документам составил Александр Блок

I Состояние власти

Болезнь государственного тела России. – Царь, императрица, Вырубова, Распутин. – Великие князья. – Двор. – Кружки: Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов. – Правые. – Правительство; Совет Министров; Штюрмер, Трепов и Голицын. – Отношение правительства к Думе. – Граф Игнатъев и Покровский. – Беляев. – Н. Маклаков и Белецкий. – Протопопов

На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом; ни у кого не могло быть сомнения в необходимости операции; спорили только о том, какую степень потрясения, по необходимости сопряженного с нею, может вынести расслабленное тело. По мнению одних, государство должно было и во время операции продолжать исполнять то дело, которое главным образом и ускорило рост болезни: именно, вести внешнюю войну; по мнению других, от этого дела оно могло отказаться.

Как бы то ни было, операция, первый период которой прошел сравнительно безболезненно, совершилась. Она застигла врасплох представителей обоих мнений и протекла в формах, неожиданных для представителей разных слоев русского общества.

Главный толчок к развитию болезни дала война; она уже третий год расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил. Осенний призыв 1916 года захватил тринадцатый миллион землепашцев, ремесленников и всех прочих техников своего дела; непосредственным следствием этого был паралич главных артерий, питающих страну; для борьбы с наступившим кризисом неразрывно связанных между собою продовольствия и транспорта требовались исключительные люди и исключительные способности; между тем, власть, раздираемая различными влияниями и лишённая воли, сама пришла к бездействию; в ней, по словам одного из ее представителей; не было уже ни одного «боевого атома», и весь «дух борьбы» выражался лишь в том, чтобы «ставить заслоны».

Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задержанный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти. Распутин говорил, что у него «внутри недостает». Имея склонность к общественности, Николай II боялся ее, тая давнюю обиду на Думу. Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть, бывшая и без того «в плену у биржевых акул», расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была всецело под влиянием Распутина, который звал ее Екатериной II, и того «большого мистического настроения» особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, «относившаяся к России как к провинции мало культурной» и совмещавшая с этим обожание Распутина, ставившего ее на поклоны; женщина, воспитанная в английском духе и молившаяся вместе с тем в «тайничках» Феодоровского собора, – действительно управляла Россией. «Едва ли можно сохранить самодержавие, – писал около нового года придворный историограф генерал Дубенский, – слишком проявилась глубокая рознь русских интересов с интересами Александры Федоровны».

В «мистический круг» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонограф его слов и внушений» (слова Протопопова). Ей, по ее словам, «вся Россия присылала всякие записки», которые она механически передавала по назначению.

«Связью власти с миром» и «ценителем людей» был Григорий Распутин; для одних – «мерзавец», у которого была «контора для обделывания дел»; для других – «великий комедьянт»; для третьих – «удобная педаль немецкого шпионажа»; для четвертых – упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко и который некогда учился у магнетизера. О вреде Распутина напрасно говорили царю такие разнообразные люди, как Родзянко, генерал Иванов, Кауфман-Туркестанский, Нилов, Орлов, Дрентельн, великие князья, Фредерикс. Мнения представителей власти, знавших этого безграмотного «старца», которого Вырубова назвала «неаппетитным», при всем их разнообразии, сходятся в одном: все они – нелестны, вместе с тем, однако, известно, что все они, больше или меньше, зависели от него; область влияния этого человека, каков бы он ни был, была громадна; жизнь его протекала в исключительной атмосфере истерического поклонения и непреходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить; недоужинность распутного мужика, убитого в спину на юсуповской «вечеринке с граммофоном», сказала, пожалуй, более всего в том, что пуля, его прикончившая, попала в самое сердце царствующей династии.

Затворники Царского Села и «маленького домика» Вырубовой, окрестившие друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самых низах – в департаменте полиции, – были отделены от мира пропастью, которая, по воле Распутина, то суживалась, открывая доступ избранным влияниям, то расширялась, становясь совершенно непреходимой даже для родственников царя, отодвинутых тем же Распутиным на второй план; часть их перешла в оппозицию. «Теперь все Владимировичи и все Михайловичи в полном протесте против императрицы», записывал в дневнике генерал Дубенский; они обращались к царю с письмами и записками; так, Георгий Михайлович в ноябре писал царю о ненависти к Штюрмеру самых умеренных кругов в армии и об ответственном министерстве как единственной мере для спасения России. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Обширное письмо вел. кн. Александра Михайловича к царю от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 года приводится в приложении (первом), в конце книги.

Милюков был в среде этих оппозиционно настроенных великих князей после убийства Распутина, в котором один из них был замешан, что особенно отшатнуло от них царя, написавшего в ответ на просьбу «смягчить участь» Дмитрия Павловича известную фразу: «Никому не дано право заниматься убийством». Настроение в этой среде было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но к возможности безболезненного исхода из положения относились безнадежно.

Гораздо ближе к царской семье стоял круг придворных. В этом кругу, где атмосфера, по выражению Воейкова, была манекен, кипела борьба мелких самолюбий и интриг. Десятка два людей, у каждого из которых были свои обязанности («я в шахматы играю, я двери открываю»), трепетали над тем, кто из них займет место министра двора после смерти старого, временами вовсе выживающего из ума «дорогого графа» Фредерикса, к которому царь питал большую привязанность. Некоторые из этих людей, весьма занятых биржевыми делами и получивших от правительственных низов не очень лестный эпитет «придворной рвани», были, по-своему, «конституционно» настроены; большинство питало ярую ненависть к Распутину. Среди них выделялись: ближе всех стоявший к царской семье зять Фредерикса, Воейков, ловкий коммерсант и владелец Куваки, и Нилов, старый «морской волк», пьяница, которого любили за грубость; этот последний всех откровеннее говорил с царем о Распутине; получив отпор, как все остальные, он смирился и твердил одно: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре, все равно».

Эта среда, как и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкий простор влияниям больших и малых кружков; отсюда летели записки, диктовались назначения, шла вся «большая политика»; наиболее видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаев – умный и хитрый азиат, у которого в голове был политический хаос, а на языке шуточки и который занимался, кроме тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами, – дружил с Распутиным и с Курловым, некогда сыгравшим роль в убийстве Столыпина; при помощи Бадмаевского кружка получил пост министра внутренних дел Протопопов.

Князь Андронников, вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносящий иконы министрам, цветы и конфеты их женам и знакомый с царскосельским камердинером, характеризует сам себя так: «человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы».

Манасевич-Мануйлов, ловкий и умный журналист, был сотрудником «Нового времени», газеты, много лет вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партия правых, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые действовали путем записок и личных влияний. Их оппозиция правительству принимала угрожающие размеры при попытках сократить субсидии, которыми они пользовались всегда, но размеры которых не были баснословны. Среди правых были, по-видимому, и люди действительно бескорыстно преданные идее самодержавия. Для этих «последних могижан», по выражению Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что веровали»; в записке, составленной в кружке Римского-Корсакова и переданной царю кн. Голицыным в ноябре, и в записке Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова, переданной царю в январе (читатель найдет обе в конце книги – прил. II и III), правые тщетно пытались убедить его взять более твердый курс, особенно по отношению к Думе, и оставить подражание «походке пьяного – от стены к стене». Не остановили крушения – ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова (см. прил. IV), ни попытка усиления правого крыла Государственного Совета при содействии политически беспринципного Щегловитова, ни последние назначения, вроде назначения князя Голицына.

Если все описанные круги были проникнуты своеобразным мирозерцанием, которое хоть по временам давало возможность взглянуть в лицо жизни, то круги бюрократические, непосредственно к ним примыкающие и перед ними ответственные, давно были лишены какого бы то ни было мирозерцания. Все учащуюся смену лиц в этих кругах Пуришкевич назвал «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли ее падение. Правительство, которое давно не имело представления не только о народе, но и о «земской России и Думе», возглавлялось «недружным, друг другу не доверяющим» Советом Министров; это учреждение перестало жить со времен П. А. Столыпина, последнего крупного деятеля самодержавия; с тех пор оно постепенно превращалось, а при Штюмере фактически превратилось, в старый Комитет Министров, стоящий вне политики и занимающийся «деловым» регулированием общеимперской службы, которая, по словам людей живых и сколько-нибудь связанных со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». Совет Министров, говорит Протопопов, остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу.

В сущности, уже замена на посту председателя Совета Министров опытного, но окончательно одряхлевшего бюрократа Горемыкина Штюмером, в котором царь, как оказалось впоследствии, видел «земского деятеля», заставила многих призадуматься. Штюмер имел весьма величавый и хладнокровный вид и сам аттестовал свои руки как «крепкие руки в бархатных перчатках». На деле, он был только «футляром», в котором скрывался хитрый обыватель, делавший все «под шумок», с «канцелярскими уловками»; это была игрушка в руках Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочке», как выразился о нем однажды Распутин, кото-

рому случалось и прикрикнуть на беспамятного, одержимого старческим склерозом и торопившегося, как бы только сбить с рук дело, премьера.

Ославленному Милюковым в Думе Штюмеру пришлось уступить место Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача – взять твердый курс в ту минуту, когда буря началась (в ноябре 1916 года); при Трепове считалось «хорошим тоном» избегать применения 87-й статьи; но все уловки только подливали масла в огонь, и недостаточно сильный, ничего не успевший изменить за 48 дней своего премьерства Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела).

Последним премьером был князь Н. Д. Голицын, самые обстоятельства назначения которого показывают, до какой растерянности дошла власть. Стоявший вдали от дел и заведовавший с 1915 года только «Комитетом помощи русским военнопленным», Голицын был вызван в Царское Село, будто бы императрицей. Его встретил царь, который поговорил о том, кого бы назначить премьером («Рухлов не знает французского языка, а на днях собирается конференция союзников»), и, наконец, сказал: «Я с вами хитрю, вызывал вас я, а не императрица, мой выбор пал на вас». Голицын, «мечтавший только об отдыхе», напрасно просился в отставку. Едва ли старый аристократ, брезгливо называвший народ «черню» и нетвердо знакомый с делопроизводством Совета Министров, мог справиться с претившими ему ставленниками Распутина – Протопоповым и Добровольским; Протопопова не могли осилить и более сильные, у него была особая звезда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую делал Совет Министров и которая сводилась к изысканию средств отдалить неминуемый созыв Государственной Думы, заседание Совета Министров 5 января. Его деловая сторона изложена в следующей «памятной записке», составленной И. Ладыженским:

«Совет Министров, в заседании 5 января 1917 года, обсуждал вопрос о времени предстоящего возобновления занятий законодательных учреждений, причем в среде Совета были заявлены различные мнения.

Пять членов (Покровский, Шуваев, Николаенко, Феодосьев и Ланговой) высказались, что в соответствии с Высочайшим Указом от 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мероприятиями.

Председатель и 8 членов (Григорович, Риттих, Добровольский, Протопопов, Разумовский, Войновский-Кригер, Раев и Кульчицкий) находили, что при настоящем настроении думского большинства открытие Думы и появление в ней Правительства неизбежно вызовет нежелательные и недопустимые выступления... следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов. Во избежание подобной крайней меры, Председатель и согласные с ним члены Совета считали предпочтительным на некоторое время отсрочить созыв Думы, назначив срок созыва на 31 января.

А. Д. Протопопов, к мнению которого присоединились Н. А. Добровольский, Н. К. Кульчицкий и Н. И. Раев, полагали продолжить срок настоящего перерыва занятий Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую запись дополняет живая характеристика заседания, сделанная одним из его участников – Н. Н. Покровским. Из его рассказа мы знаем, что Протопопов развивал здесь свою «необыкновенную теорию политических течений в России», которую он повторил и в заседании 25 февраля. Теория, по словам Н. Н. Покровского, заключалась в том, что революционное течение (анархизм и социализм) постепенно втекает в оппозиционное (общественные элементы с Государственной Думой во главе); таким образом, оппозиционное течение совпадает с революционным и стремится захватить власть, вследствие чего следует бороться с оппозицией всеми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далее Протопопов, по

словам Покровского, предлагал «графическую схему» и «нес околесную», так что несколько лиц переглянулись и спросили друг друга: «Вы что-нибудь поняли?» Характерно, однако, что мнение Протопопова и было принято, правда, он пошел на известную уступку.

Среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе. Среди них были и люди высокой честности, как, например, министр народного просвещения граф Игнатъев, много раз просившийся в отставку и сменивший Кульчицким лишь за два месяца до переворота, или министр иностранных дел Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внешней политикой при существующем курсе политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль в февральские дни пришлось сыграть последнему военному министру генералу Беляеву, которого Родзянко считает человеком порядочным. А. А. Поливанов характеризует его как своего бывшего ученика – старательного и добросовестного, но к творчеству не способного и склонного к угодничеству.

Нельзя обойти молчанием двух лиц, которые приняли участие в разворачивающихся событиях и готовились стать у власти. Один из них – бывший министр вн. дел, любимец царя Н. Маклаков, которого царский курьер не застал на Рождестве в Петербурге; по-видимому, он имел шансы сменить Протопопова; будучи человеком правых убеждений, Маклаков сознавал «вне суматохи и бесконечного верчения административного колеса», что дело правых, которых «били, не давали встать и опять били», безвозвратно проиграно.

Другим претендентом на власть, который должен был накануне переворота стать заместителем генерала Батюшина, был С. Белецкий, выдающийся в свое время директор департамента полиции, едва не ставший обер-прокурором Синода; это был человек практики, услужливый и искательный, который умел «всюду втереться».

Последнему министру внутренних дел Протопопову суждено было занять исключительное место в правительственной среде. Роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробнее.

А. Д. Протопопов, помещик и промышленник из симбирских дворян и член Государственной Думы от партии 17 октября, был выбран товарищем председателя четвертой Государственной Думы. О нем заговорили тогда, когда весной 1916 года он отправился за границу в качестве члена парламентской делегации и на обратном пути, в Стокгольме, имел беседу с советником германского посольства Варбургом. Подробности этой беседы, имевшей целью нащупать почву для заключения мира, передавались различно не только лицами, осведомленными о ней, но и самим Протопоповым.

В то время у Протопопова были уже широкие планы. Он лелеял мысль о большой газете, которая объединила бы промышленные круги и в которой сотрудничали бы «лучшие писатели – Милюков, Горький и Меньшиков». Газета воплотилась впоследствии в «Русскую Волю». Тогда же в голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчет министерства», ибо «честолюбие его бегало и прыгало»; первоначально он думал лишь о министерстве торговли.

Действуя одновременно в разных направлениях и не порывая отношений с думской средой, Протопопов сумел проникнуть к царю и заинтересовать его своей стокгольмской беседой, а также – приблизиться к Бадмаеву, с которым свела его болезнь, и к его кружку, где он узнал Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопопов, неожиданно для всех и несколько неожиданно для самого себя, был, при помощи Распутина, назначен управляющим Министерством внутренних дел. Ему сразу же довелось проникнуть в самый «мистический круг» царской семьи, оставив за собой как Думу и прогрессивный блок, из которых он вышел, так и чуждые ему бюрократы

тические круги, для которых он был неприятен, и придворную среду, которая видела в нем выскочку и со свойственной ей порою вульгарностью языка окрестила его «балаболкой».

Почувствовав «откровенную преданность» и искреннее обожание к «Хозяину Земли Русской» и его семье и получив кличку «Калинин» (данную Распутиным), Протопопов с присущими ему легкомыслием и «манией величия» задался планами спасения России, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Он замыслил передать продовольственное дело в Министерство внутренних дел, произвести реформу земства и полиции и разрешить еврейский вопрос.

На деле оказалось, прежде всего, полное незнакомство с ведомством, сказавшееся, например, при посещении Москвы, описанном Челноковым. Протопопов стал управлять министерством, постоянно болея «дипломатическими болезнями», при помощи многочисленных и часто меняющихся товарищей; среди них были неофициальные, как Курлов, возбуждавший особую к себе и своему прошлому ненависть в общественных кругах. Протопопову, по его словам, «некогда было думать о деле»; он втягивался все более в то, что называлось в его времена «политикой»; будучи «редким гостем в Совете Министров», он был частым гостем Царского Села.

С первого шага Протопопов возбудил к себе нелюбовь и презрение общественных и правительственных кругов. Отношение Думы сказалось на совещании с членами прогрессивного блока, устроенном 19 октября у Родзянки (см. прил. V в конце книги); но Протопопов, желавший, «чтобы люди имели счастье», и полагавший, что «нельзя гений целого народа поставить в рамки чиновничьей указки», оказался, несмотря на жандармский мундир Плеве, в котором он однажды щегольнул перед думской комиссией, неприемлемым и для бюрократии, увидавшей в нем мечтателя и общественного деятеля, недаром сам Распутин сказал однажды, что Протопопов – «из того же мешка» и что у него «честь тянется, как подвязка».

К этому присоединилось влияние личного характера Протопопова, который «стал в контры с собственной думою» и заставил многих сделать из него «притчу во языцех» и отнестись к нему юмористически. Характерно, например, его (ставшее известным лишь впоследствии) знакомство с гадалем Шарлем Переном, едва ли не германским шпионом, о чем и предупредил директор департамента полиции; Протопопов не хотел об этом знать, веруя в свой «рок»; он неудержимо интересовался тем, что говорил ему Перен: что «его планета – Юпитер, которая проходит под Сатурном» и разные гороскопические вещи.

Полная неудача в замысленных реформах и травля со всех сторон озлобили Протопопова. В то время как Милюков накануне убийства Распутина назвал его в Думе «загадочной картинкой», Протопопов вступил уже на путь «революционно-правой», по собственному выражению, политики, выразившейся в борьбе с Государственной Думой, запрещении съездов, преследовании общественных организаций и печати, давлении на выборы и, наконец, многочисленных арестах, завершившихся январским арестом рабочей группы Военно-Промышленного Комитета. Этим, а также и тем, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его с духом Царского Села, объясняется его пребывание на посту до конца; после убийства Распутина 17 декабря положение Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря он был из управляющих сделан министром внутренних дел и с тех пор, несмотря на все окружавшие его враждебные толки и на многочисленные попытки весьма влиятельных лиц заставить его уйти, продолжал свое дело до последней минуты.

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти. Распутин накануне своей гибели как бы завещал свое дело Протопопову, и Протопопов исполнил завещание. В противоположность обыкновенным бюрократам, которым многолетний чиновничий опыт помогал сохранять видимость государственного смысла, Протопопов принес к самому подножию трона весь истерический клубок своих личных чувств и мыслей; как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий

от стен, он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры.

В этом смысле Протопопов оказался действительно «роковым человеком».

II

Настроение общества и события накануне переворота

Январские и Февральские доклады Петербургского охранного отделения. – Арест Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета и роль Обросимова. – Выделение Петербургского военного округа. – Приготовления к 14 февраля. – Настроения светских кругов и армии. – Последний всеподданнейший доклад Родзянко. – Н. Маклаков и его проект манифеста. – Открытие сессии законодательных палат

Таково было состояние власти, охваченной, по выражению Гучкова, процессами гниения, что сопровождалось «глубоким недоверием и презрением к ней всего русского общества, внешними неудачами и материальными невзгодами в тылу». За несколько месяцев до переворота в особом совещании по государственной обороне под председательством генерала Беляева Гучков сказал в своей речи: «Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей армии руководил германский генеральный штаб, он не создал бы ничего, кроме того, что создала русская правительственная власть». Родзянко назвал деятельность этой власти «планомерным и правильным изгнанием всего того, что могло принести пользу в смысле победы над Германией».

Единственным живым органом, который учитывал политическое положение и понимал, насколько опасна для расстроенного правительства организованная общественность, которая в лице прогрессивного блока, военно-промышленных комитетов и др. общественных организаций давно могла с гораздо большим успехом действовать в направлении обороны страны, был департамент полиции. Доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику общественных настроений, они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже услышать не могла.

В секретном докладе «отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице» от 5 января на основании добытого через секретную агентуру осведомительного материала сообщается, что, по слухам, были перед Рождеством какие-то законспирированные совещания членов левого крыла Государственного Совета и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать перед Высочайшею Властью об удалении целого ряда представителей правительства с занимаемых ими постов; во главе означенного списка стоят Щегловитов и Протопопов.

«Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи как о намерениях правительственной власти, в смысле принятия различного рода реакционных мер, так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения, в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов. Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем «дворцового переворота», провозвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении «пресловутого старца».

Далее сообщается, что всюду идут толки об общем (а не только партийном) терроре в связи с вероятным окончательным роспуском Думы. Политический момент напоминает канун 1905 года; «как и тогда, все началось с бесконечных и бесчисленных съездов и совещаний общественных организаций, выносивших резолюции резкие по существу, но, несомненно, в весьма малой и слабой степени выражавшие истинные размеры недовольства широких народных масс населения страны».

«Весьма вероятно, что начнутся студенческие беспорядки, к которым примкнут и рабочие, что все это увенчается попытками к совершению террористических актов, хотя бы в отношении нового Министра Народного Просвещения или Министра Внутренних Дел, как главного, по указаниям, виновника всех зол и бедствий, испытываемых страной».

«Либеральная буржуазия верит, что в связи с наступлением перечисленных выше ужасных и неизбежных событий правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице лидируемого ими прогрессивного блока, и тогда на Руси «все образуется». Левые же упорно утверждают, что наша власть зарвалась, на уступки ни в коем случае не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшейся обстановки, логически должна привести страну к неизбежным переживаниям стихийной и даже анархической революции, когда уже не будет ни времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вожделиний и когда, по их убеждениям, и создастся почва для «превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах».

Перед 9 января начальник охранного отделения Глобачев докладывает о «настроениях революционного подполья» по партиям и приходит к следующему выводу: «Ряд ликвидаций последнего времени в значительной мере ослабил силы подполья и ныне, по сведениям агентуры, к 9 января возможны лишь отдельные разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будет носить неорганизованный характер». Однако же здесь констатируется «общая распропагандированность пролетариата».

19 января вновь следует обширный «совершенно секретный» доклад охранного отделения. «Отсрочка Думы продолжает быть центром всех суждений... Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства... Население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах) критикует в недопустимом по резкости тоне все Правительственные мероприятия».

Отмечаются: «успех крайне левых журналов и газет» («Летопись», «Дело», «День», «Русская Воля» и появление «Луча»), оппозиционные речи «в самых умеренных по своим политическим симпатиям кругах»; доверчивость широких масс к Думе, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужестве Милюкова и Родзянки» после 1 ноября.

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей – в тумане», питается «злостными сплетнями» о «Думской петиции», об «организации офицеров, постановившей убить ряд лиц, якобы мешающих обновлению России».

«Неспособные к органической работе и переполнившие Государственную Думу политиканы... способствуют своими речами разрухе тыла... Их пропаганда, не остановленная Правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны; действительно возможно, что роспуск Государственной Думы послужит сигналом для вспышки революционного брожения и приведет к тому, что Правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов Думы, а со всей Россией».

«Резюмируя эти колеблющиеся настроения в нескольких словах, можно сказать, что ожидаемый массами в феврале месяце роспуск Государственной Думы не обязательно вызовет, но легко может вызвать всеобщую забастовку, которая объединит в себе всевозможные политические направления и которая, начавшись под флагом популярной сейчас «борьбы за Думу», окончится требованием окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и пр.».

«В действующей армии, согласно повторным и все усиливающимся слухам, террор широко развит в применении к нелюбимым начальникам, как солдатам, так и офицерам». «Поэтому слухи о том, что за убийством Распутина – этой «первой ласточки» террора – начнутся другие «акты», заслуживают самого глубокого внимания... Нет в Петрограде в настоящее время семьи так называемого «интеллигентного обывателя», где «шепотком» не говори-

лось бы о том, что «скоро, наверное, прикончат того или иного из представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно несдобровать». Характерный показатель того, что озлобленное настроение пострадавшего от дороговизны обывателя требует кровавых гека-томб из трупов министров, генералов... В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную Особу Государя императора».

Далее сообщаются слухи о «национальной партии», образованной Пуришкевичем, о резко намечающемся авантюризме наших доморожденных «Юань-Шикаев», в лице Гучкова, Коновалова, князя Львова, стремящихся использовать могущие неожиданно вспыхнуть «события» в своих личных видах и целях и беззастенчивым провокационным образом муссирующих настроение представителей авторитетных рабочих групп военно-промышленных комитетов.

«Общий вывод из всего изложенного»: «если рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции – к вере в спасительность политических убийств и террора», то это указывает на «жажду общества найти выход из создавшегося политически ненормального положения», которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее».

Следующий «совершенно секретный» доклад генерала Глобачева относится к 26 января.

«Передовые и руководящие круги либеральной оппозиции, – сообщается здесь, – уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки». При этом «в данный момент находятся в наличности две исключительно серьезные общественные группы», которые «самым коренным образом расходятся по вопросу о том, как разделить «шкуру медведя».

«Первую из этих групп составляют руководящие «дельцы» парламентского прогрессивного блока, возглавляемые перешедшим в оппозицию и упорно стремящимся «к премьерству» председателем Государственной Думы – шталмейстером Родзянко». Они окончательно уверились в возможность принудить представителей Правительства уйти со своих постов добровольно и передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить в России начала «истинного парламентаризма по западноевропейскому образцу». Поэтому их задача состоит в том, чтобы «заручиться хотя бы дутыми директивами «народа», для чего войти в сношение с «сохранившей свою революционную физиономию, но в то же самое время явно отколовшейся от руководящих кругов социалистического старого «Интернационала» рабочей группой». «Дав время рабочей массе самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и через созданную ею особую «пропагандистскую коллегия» должны организовать ряд массовых собраний по фабрикам и заводам столицы и, выступая на таковых, предложить рабочим прекратить работу в день открытия заседаний Государственной Думы – 14 февраля сего года – и, под видом мирно настроенной манифестации, проникнуть ко входу в Таврический дворец. Здесь, вызвав на улицу председателя Государственной Думы и депутатов, рабочие в лице своих представителей должны громко и открыто огласить принятые на предварительных массовых собраниях резолюции с выражениями их категорической решимости поддержать Государственную Думу в ее борьбе с ныне существующим Правительством». При этом опасения рабочей группы противодействия со стороны «инакомыслящих подпольных социалистических течений» отпали, потому что «социал-демократические группы большевиков, объединенцев и интернационалистов-ликвидаторов не склонны ни противодействовать, ни способствовать их затее», а «занять выжидательную позицию».

Во главе второй группы, «действующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» из рук представителей думской оппозиции стоят не менее жаждущие власти А. И. Гучков, князь Львов, С. Н. Третьяков, Коновалов, М. М. Федоров и некоторые другие». Эта группа рассчитывает на то, что думцы не учитывают «еще не подорванного в массах лояльного населения обаяния Правительства» и – с другой стороны

– «инертности» народных масс. Вся надежда этой группы – неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего-навсего одной, двумя сочувствующими воинскими частями». «Независимо от вышеизложенного, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самым усердным образом идет навстречу первой», причем «заслуживает исключительного внимания возникшее по инициативе А. И. Гучкова предположение о созыве в начале февраля особого и чрезвычайного совещания руководящих представителей Центрального Военно-промышленного комитета, «Земгора», думских оппозиционных фракций, профессуры, общественных организаций и, по возможности, Государственного Совета»...

«Что будет и как все это произойдет, – заканчивает охранное отделение, – судить сейчас трудно, но, во всяком случае, воинствующая оппозиционная общественность безусловно не ошибается в одном: события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности «не за горами».

По-видимому, непосредственным результатом этого доклада и был арест рабочей группы, состоявшийся 27 января. Об этой ликвидации охранное отделение составило секретный доклад. Здесь указывается, что представители группы «организовали и подготавливали демонстративные выступления рабочей массы столицы на 14 февраля», с тем чтобы заявить депутатам Думы свое «требование незамедлительно вступить в открытую борьбу с ныне существующим правительством и Верховной властью и признать себя впредь до установления нового государственного устройства временным правительством. Матерьял, взятый при обысках, вполне подтвердил изложенные сведения, вследствие чего переписка по этому делу, ввиду признаков преступления, предусмотренного 102 ст. Уг. улож., передана прокурору Петроградской судебной палаты».

Кроме того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегии рабочей группы», у которых «достаточного матерьяла для привлечения их к судебной ответственности не обнаружено»; тем не менее, они признаны «типами безусловно вредными для государственного порядка и общественного спокойствия»; предложено выслать их из Петербурга под гласный надзор полиции.

А. И. Гучков, по его словам, был убежден, что департаменту полиции удастся проникнуть в среду тех пятнадцати рабочих, которые были в составе Центрального Военно-промышленного комитета, о чем он не раз предупреждал председателя рабочей группы Гвоздева. Арест был предпринят, по-видимому, не департаментом, а Министерством внутренних дел, «как акт высокой политики». В этом сознался и Протопопов, который докладывал царю, что образование рабочих секций опасно и напоминает «организацию Хрусталева-Носаря 1905 года». Протопопов советовался об аресте с Хабаловым, который написал письмо Гучкову с указанием на революционность рабочей группы. Ответа на это письмо не было, и Протопопов решил произвести арест «по ордеру военного начальства», получив на это разрешение от царя.

После ареста Гучков и Коновалов предприняли три шага: во-первых, выступили с протестом в прессе, во-вторых, поехали к князю Голицыну, минуя Белецкого, Васильева и Протопопова; с последним Гучкову особенно тяжело было встречаться, как с бывшим товарищем по фракции. «Если бы вам приходилось арестовывать людей за оппозиционное настроение, то вам всех нас пришлось бы арестовать», – сказал Гучков Голицыну. Последний «отнесся благосклонно», сослался на Протопопова и обещал пересмотреть дело. Протопопов рассказывает, что Голицын сказал ему, что он сделал ошибку, арестовав рабочую группу после того письма с призывом рабочих к спокойствию, которое было опубликовано в газетах и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано – в департаменте полиции). Гучков доказывал Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженного восстания, ни переворота, но занималась политикой в том смысле, что считала возможным решение вопросов обороны лишь при условии изменения политических условий работы.

Третьим шагом Гучкова и Коновалова было собрание представителей Центрального Военно-промышленного комитета и особого совещания по обороне. Об этом собрании обстоятельно повествует совершенно секретный доклад охранного отделения от 31 января.

Собрание состоялось 29 января в 11 час. утра «экстренно и с соблюдением ряда предосторожностей, при участии представителей Центрального Военно-промышленного комитета (Гучков, Коновалов, Кутлер и др.), Московского Военно-промышленного комитета (Переверзев и др.), Государственной Думы (Керенский, Чхеидзе, Аджемов, Караулов, Милуков, Бубликов и др.), Государственного Совета и Земского и Городского Союзов (фамилии охранному отделению не известны). Председательствовавший Гучков сообщил об аресте группы; все высказали полное сочувствие и готовность подать голос в защиту организации. Охранное отделение заканчивает свой доклад хвастливым выводом, основанным на наблюдении «настроений участников означенного совещания: имеются все данные для того, чтобы признать факт ликвидации рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета действительно исключительным по неожиданности и впечатлению ударом для оппозиционной и на боевой лад настроившейся общественности. Розовые перспективы хитро задуманных и через рабочую группу подготовлявшихся массовых рабочих выступлений в значительной степени поблекли; но, во всяком случае, если многие рабочие души и отчаялись в возможности осуществления вожденных достижений, то более стойкие и упористо настроенные «завоеватели власти» могли с досадой воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать сначала».

В докладе подробно описано настроение собравшихся и содержание их речей. Между прочим, содержание речи некоего представителя рабочей группы рабочего Обросимова скромно излагается так: он «указал на ошибку тех, кто стремится видеть в аресте представителей группы лишь своего рода юридически интересный факт; здесь нужно признать наличность явления, имеющего крупное политическое значение и в той или иной мере задевающего русскую общественность».

А. И. Гучков рассказывает, что Обросимов, к удивлению его оказавшийся на свободе, произнес резкую речь о том, что группа только прикидывалась мирной, а на самом деле преследует революционные цели вплоть до вооруженного восстания и свержения власти, для чего и пошла в Комитет.

Обросимов как бы оправдывал действия власти. Гучков, всегда относившийся к нему с предубеждением, ответил, что его слова расходятся с тем, что ему, Гучкову, известно, и с тем, что говорили Гвоздев и его товарищи, сидящие под арестом. Обросимов замолчал и сел; однако его слова смутили присутствующих. Чхеидзе и другие левые промолчали, по-видимому, не слишком доверяя аудитории.

Обросимов принадлежал вообще к самому левому флангу и науськивал группу на самые резкие выступления даже на съезде. Группа была арестована вся, кроме двух рабочих, которых не было в городе, и Обросимова, объяснившего, что его не было дома. Председатель группы Гвоздев не убедился подозрениями Гучкова и доверчиво считал, что Обросимов человек хороший. Гучкова же убеждало в том, что Обросимов не чист, еще и то обстоятельство, что ему было известно, что в департаменте полиции имеется подробный отчет о совещании, не могший пройти через канцелярию Военно-промышленного комитета. Протопопов рассказывает, что Обросимов согласился отбыть наказание, и что он, Протопопов, испросил бы у царя помилование этому сотруднику и дал бы ему возможность бежать, как это делалось обычно. Обросимов, по словам Гучкова, человек «недалекий, неспособный, насвистанный».

Подробности совещаний группы Гучкова не известны; «к нам, говорит он, они приходили уже сговорившимися, застрельщиками»; они вошли в группу не столько из интереса к работе по обороне, сколько из-за того, что тут им представлялась единственная возможность организовать в легальной форме для преследования своих интересов.

После ареста Обросимова Протопопов боялся, что департамент полиции не будет больше получать сведений о рабочей среде. Васильев успокоил его, что сведения будут «так же, как и прежде». «Очевидно, говорит Протопопов, постоянных сотрудников в рабочей среде департамент полиции имел достаточно».

Был проект арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопопов доложил, что арест только «увеличил бы его популярность», которая «будет подорвана, когда обнаружатся злоупотребления в Военно-промышленном комитете». Царь, прибавляет он, понимал, что я ему доложил правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что «за арест секции в Царском Селе ему поставлен плюс».

Итак, Министерство внутренних дел «нанесло удар оппозиции»; однако тревожное настроение росло. Глобачев доносит о забастовках и сходках на фабриках и заводах 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширнейший и совершенно секретный доклад о «положении продовольственного дела в столице», а 7 февраля – соображения по поводу «широкого распространения спиртовых суррогатов» – лаков и политуры.

В начале февраля петербургский военный округ был выделен из северного фронта в особую единицу, с подчинением его генерал-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкие права. Вот что рассказывает об этом член Военного совета генерал Фролов: «В одном из заседаний Военного совета в конце января или начале февраля в Совет был внесен доклад по Главному Управлению Генерального Штаба по отделу об устройстве и службе войск о выделении из района армий северного фронта Петроградского военного округа и о подчинении командующего войсками военному министру. По чьему желанию это было сделано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанию генерала Беляева и в экстренном порядке. Мотивировалось это особыми условиями, в которых находится Петроград с его окрестностями. При обсуждении в Военном совете этого проекта последний подвергся существенному изменению, в смысле изъятия его из подчинения военному министру... Генерал Беляев согласился на сделанные изменения. Меня очень поразило это желание в проекте подчинять командующего войсками военному министру, несмотря на широкие полномочия, которые проект представлял командующему войсками по сравнению с командующими войсками внутренних округов, каковые по закону по отношению к военному министру не ставятся в подчинение. Я лично объяснил себе предоставление таких больших полномочий командующему войсками целью более успешной борьбы с рабочими волнениями».

Протопопов описывает, как он был по этому поводу у императрицы, бранил Рузского и хвалил Хабалова, настаивая на выделении петербургского округа. Хабалов являлся царю и императрице, после чего протопоповский план и был приведен в исполнение.

В докладе охранного отделения от 5 февраля говорится: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями. Следствием нового повышения цен и исчезновения с рынка предметов первой необходимости явился «новый взрыв недовольства», охвативший «даже консервативные слои чиновничества»... Тщетно публицисты в газетах призывают к терпению... Никогда еще не было столько ругани, драк и скандалов, как в настоящее время, когда каждый считает себя обиженным и старается выместить свою обиду на соседе». «Обывателя стригут по несколько раз в день, и он по своей беспечности лишь вопит к администрации: «Спасите, не дайте снять совершенно шкуру!»

Вывод доклада: «если население еще не устраивает голодные бунты», то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех – анархической революции – сомневаться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжают поступать доклады о забастовках на разных заводах, сопровождающихся иногда вмешательством полиции, в которую 8 февраля на Путиловском заводе «посыпался град железных обломков и шлака».

7 февраля охранное отделение доносит, что «предстоящее 14 февраля открытие Государственной Думы создаст повышенное настроение» в столице и что, несмотря на ликвидацию рабочей группы, «ныне следует считать неизбежными стачки 14 февраля и попытки устроить шествие к Таврическому дворцу, не останавливаясь даже перед столкновениями с полицией и войсками». «С.-д. большевики, относясь к рабочей группе как к организации политически нечистой» и не признавая Государственной Думы, постановили решение группы не поддерживать, а создать движение пролетариата собственными силами, приурочив выступление к 10 февраля, т. е. к годовщине суда над бывшими членами с.-д. фракции большевиков Государственной Думы. В этот день предполагается всеобщая стачка... С.-д. объединенцы (Междурайонный комитет) и с.-д. меньшевики (Центральная инициативная группа) вынесли решения, вполне аналогичные с большевиками»...

Глобачев заключает свой доклад обещанием «со стороны вверенного ему отделения принять все возможные меры к предотвращению и ослаблению грядущих весьма серьезных событий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.